

5 Поэт жизненной правды

1.

АНТОН Чехов появился в литературе восьмидесятих годов как необычайно яркое явление на беспроблемно-сером фоне своего времени.

Окружавшая молодого Чехова действительность могла удушить любую творческую волю. Она могла заставить художника в порыве самосохранения бежать в мир вымысла, где нет кошмаров, уродств и вопиющих противоречий жизненного уклада.

Но по всему складу своего творчества Чехов всегда был реалистом. Он до конца своей жизни остался верен действительности и сделал эту действительность материалом для наблюдения, изучения и претворения в искусство.

«Для химиков на земле нет ничего нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик, он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые»...

С такой программой художника-реалиста, который не должен бояться «мрачить свое воображение грязью жизни», начал Чехов свой творческий путь.

Литературные современники молодого Чехова — беллетристы Гнедич, Бибииков, Тихонов, Щеглов, Луговой писали умиленные мещанские идиллии, примиряющие с действительностью, воспевающие тихое счастье и семейный уют «маленького человека».

Чехов не последовал их примеру. Он вовсе не собирался благодушеествовать в литературе. Он помнил сатирические стрелы Салтыкова-Щедрина, язвительный «смех сквозь слезы» Гоголя, он знал умную и серьезную издевку Глеба Успенского над самодовольством и сытостью денежного мешка, эксплуататора крестьян-тружеников.

И Чехов, наследник русской культуры предшествовавших десятилетий, когда каждый большой писатель неизменно был проводником передовых общественно-политических идей, — Чехов восставал против примиренчества. Он настаивал брату Александру писать так, чтобы не было ни болтовни, ни благодушия: «...опиши обед, как ели, что ели, какая кухарка, как пошла твой герой, довольный своим ленивым счастьем, как пошла твоя героиня, как она смешна в своей любви к этому, подвязанному салфеткой, сытому, обвешенному гусю».

К 40-летию
со дня смерти
А. П. Чехова

2.

Смех, беззаботный и безобидный, можно считать первым эмоциональным откликом Чехова на отрицательные стороны жизни. Так рождались веселые рассказы Антоши Чехонте.

Постепенно в душу большого и чуткого художника входило сознание трагического. Чехов понял, что пошлость не только смешна, что она — явление страшное, разлагающее традиции культуры, грозящее всему добру и светлому.

Зазвучал по-иному смех Чехова. В нем послышались трагические нотки. Это был уже смех сквозь слезы, в котором не без основания можно усмотреть идейное родство с гоголевским смехом.

Гоголь сказал: «Скучно жить на этом свете, господа!».

Чехов пошел дальше простой констатации факта. Он как бы сказал всем своим беспощадным разоблачением пошлости, обывательской косности, корыстной ограниченности и холодного равнодушия к судьбам родины:

— Больше жить так нельзя!

В смехе Чехова появляются с середины восьмидесятих годов элементы резкого осуждения действительности. Смех его уже не так громок. Он часто выявляется в тонкой иронии, в сдержанном юморе, часто подернутом дымкой печального сочувствия к людям, тонущим в житейском болоте. Писатель изображает безвольных и бескрылых пасынков своего времени. Они не могут вырваться из тисков бездействия, но не утрачивают веры в будущее.

Чехов жалел их и болел их болью, понимая трагедию их одиночества. Но он не мог отказать себе в иронии, посмеиваясь над «провинциальными Гамлетами», над теми, кто выходил на борьбу со злом, вооружась картонным мечом.

Деятельным, вечно ищущим применения своих сил был в жизни Чехов. Он объездил Россию, чтобы изучить жизнь и людей, как врач принимал горячее участие в борьбе с эпидемиями, заботился о постройке сельских школ и больниц, о прокладке шоссе дорог, отправился на Сахалин, чтобы ознакомиться с бытом ссыльных.

Таким же активным был он и в своем творчестве.

Писателя упрекали некоторые современники, эпигоны «народников», в равнодушии и «аполитичности», в отсутствии положительных идеалов.

То была злая неправда. Чехов, одновременно жалевший и презиравший людей, обреченных на «малые дела», видел и другое: подлинный героизм и величие, заключенные в будничных, незаметных трудах русского человека, работавшего на благо культуры, народа и родины.

Это противоречие великого и малого, настоящего и будущего создавало иной раз у героев Чехова психологию жертвенности, содержавшую в себе большое мужество. Вершинин в «Трех сестрах» говорит: «Участвовать в этой (т. е. будущей.—А. Д.) жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, мы страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье».

Чеховские герои мечтали, что через двести-триста лет жизнь будет прекрасной. Они ошиблись в сроках. Новая жизнь пришла гораздо раньше. Чехов был одним из тех, кто работал для счастливого будущего своей родины.

Консервативные критики упрекали Чехова в нарочитом сгущении красок. Они чувствовали взрывающую силу чеховских произведений, рождавших недовольство и возмущение в душах читателей и зрителей. «Нововременец» Суворин призывал Чехова не заваляться «вышними и отдаленными целями», а брать жизнь такой, как она есть. Но на это Чехов ответил суровой отповедью: «Кто искренне думает, что вышние и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как жоробе, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

3.

Десяностые годы — период общественного оживления. К этому времени Чехов проделал известную эволюцию: прошел через шаткий и неясный либерализм, затем стал на позиции демократического радикализма и умер молодым, но зрелым художником накануне первой русской революции 1905 года, могучее дыхание которой он уловил чутким ухом художника.

Он был далек от массового рабочего движения. Он не знал людей нового поколения, готовых с оружием в руках сражаться за честь и свободу народа. Он лишь силуэтно набросал образы людей новой формации — реалистов, материалистов, влюбленных в жизнь и в свободный труд.

В последнюю пору жизни Чехова изменился круг его литературных связей. Умер Григорович, благословивший его на широкий путь беллетриста. Расстался Чехов и с Сувориным. В эти годы он сблизился с молодым Горьким, сразу оценив его сверкающий талант. Их сроднила жажда свободы, при которой человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа».

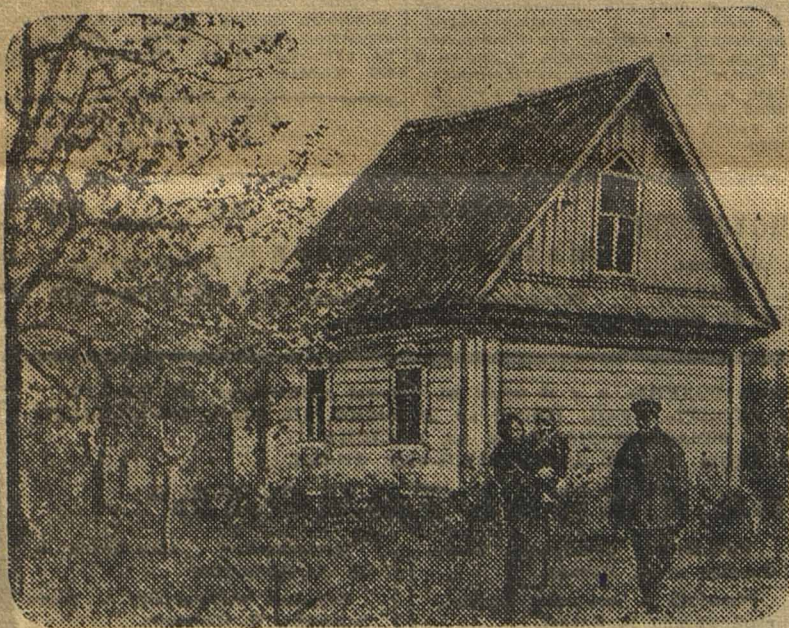
Для Чехова, как и для Горького, в творчестве главным было: жизнь русских людей и судьбы родины и культуры. О чем бы ни писал Чехов, он знал до конца свой материал. Всю жизнь он заносил в записные книжки факты о русских людях, их думы и высказывания. Он никогда не выдумывал тему, сидя за письменным столом. Он искал тему среди народа, среди живых людей. Поэтому Чехов так любил путешествия, во время которых входил в общение с людьми различных профессий, возрастов и положений.

Подобно своим героям, Чехов любил мечтать о родине и ее необычайно богатом будущем.

И уже умирая, в предчувствиях гари освобождения родины, писатель выражал веру в близость очисти-тельной грозы. Он жил этой верой в духовную и физическую силу русского народа, в несокрушимую мощь русской культуры и хранил до конца дней своих преданность идее, которую выразил в таких словах:

— Все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное.

Александр Дейч.

По чеховским местам. Несколько лет прожил Антон Павлович Чехов в подмосковном селе Мелихово. Во время холерной эпидемии он работал здесь, не покладая рук, и как земский врач обслуживал 25 окрестных деревень. Старик-колхозник хорошо помнит Антопа Павловича, при содействии которого в Мелихове были построены школы. Наблюдая окружающую жизнь, Чехов написал тогда «В овраге», «Мужики» и ряд других произведений, выведя в них мелиховских крестьян или жителей соседних селений. На снимке: флигель в Мелихове, в котором жил и работал замечательный русский писатель. По решению исполкома Московского областного совета здесь открывается Чеховский музей.

Фото М. ВАЧУРИНА.